

марку. Ономасова, хотя и была замужем, но с мужем разошлась и жила с матерью. В один из прекрасных майских дней Ономасова, делавшая покупки, прохаживалась по галлерей гостинного двора. Здесь толпилось много «благородной публики», большою частью помѣщиковъ, наѣхавшихъ изъ своихъ захолустныхъ деревень. Вдругъ на Ономасову неожиданно напало нѣсколько человекъ, которые среди бѣлаго дня схватили ее, разорвали на ней одежду, сорвали головной уборъ и потащили съ ярмарки. Ономасова кричала, сопротивлялась; но напрасно. Для нея лучше бы было, если бы нападеніе совершено было разбойниками, ночью, въ глухомъ закоулкѣ, чѣмъ здѣсь въ ярмарочномъ панскомъ ряду, около блестящихъ выставокъ галантерейныхъ и мануфактурныхъ товаровъ, на виду многочисленной публики... Тогда бы, быть можетъ, кто-нибудь отозвался на крики несчастной женщины и вырвалъ ее изъ рукъ злодѣевъ... Но на Ономасову напали не разбойники, а законный мужъ и свекоръ, съ родственникомъ своимъ Ожидаевымъ. Эти люди препроводили беззащитную посетительницу ярмарки къ себѣ на квартиру.. Публика имъ не препятствовала; мужъ былъ въ своемъ законномъ правѣ; онъ поймалъ бѣглую жену, скрывавшуюся отъ него у матери и занялся водвореніемъ ея въ своей усадьбѣ.

Съ ярмарки Ономасову повезли въ деревню Гаребужъ въ домъ Ожидаева, который послѣ содѣйствія своему пріятелю въ поимкѣ жены, преспокойно остался на ярмаркѣ. Ономасову посадили въ карету; съ нею сѣлъ свекоръ, а противъ нея мужъ съ сестрою своею дѣвицею Настасьею. Карета тронулась въ путь-дорогу. А мужъ, во время ѣзды, взялся учить свою жену уму-разуму, именно билъ ее по щекамъ «много и долго»... Когда онъ кончилъ свое рукоприкладство, то за Ономасову принялась невестка Настасья, она была пойманную также по щекамъ до неограниченности и даже выше моего принужденнаго терпѣнія безчеловѣчно».

Пріѣхали въ домъ Ожидаева. Свекоръ взялся за Ономасову и сталъ ее бить по распухшимъ щекамъ. Затѣмъ дралъ за волосы «безо всякой пощады»... Вечеромъ свекоръ приказалъ невесткѣ остаться съ мужемъ.

По прошествіи ночи въ домъ Ожидаева изъ Коренной наѣхала цѣлая компанія: самъ хозяинъ, жена его Акинья, тетка Матрена и сестра Марѳа. Акинья прежде всего самымъ неблагопристойнымъ образомъ обругала Ономасову, а потомъ «въ нестерпимое мученіе шипала избитое и ранами покрытое тѣло страдалицы». Послѣ истязавъ мужъ съ родными повезъ Ономасову въ свою усадьбу. Тамъ ее посадили въ хлѣвъ и приставили караулъ — днемъ трехъ женщинъ, а на ночь мужчинъ. Ономасова долго сидѣла въ заточеніи. Наконецъ къ ней явился свекоръ и привезъ съ собою какую-то «на гербовомъ листѣ» и не позволивъ Ономасовой прочитать ее, принуждалъ ее сдѣлать свою подпись. Измученная женщина имѣла твердость духа не подписывать бумаги.

И тогда начались новыя истязанія. Свекоръ Ономасовой вмѣстѣ съ мужемъ отрезалъ ножомъ косу у непокорной невестки. Косу эту онъ отдалъ дочери своей Настасьи... Казалось бы этого довольно; но разъяренный старикъ потребовалъ ножицы.

Настасья подала ему ихъ.

И страдалицу, вытерпѣвшую страшную боль, когда свекоръ пилилъ ножомъ по ея косѣ, стали стричь и остригли «подъ гребенку». Между тѣмъ мать Ономасовой — Попова, узнавши что дѣлается съ ея дочерью, подала предводителю дворянства жалобу на дѣйствіе своего зятя. Предводитель прислалъ къ Ономасовымъ письмо съ требованіемъ, чтобы свекоръ и мужъ Ономасовой, а также она сама явились къ нему для объясненій, тогда свекоръ отказался прибыть къ предводителю подъ предло-

гомъ болѣзни, мужъ не далъ никакого отвѣта предводителю, а самое Ономасову къ предводителю не пустили ни подъ какимъ видомъ.

Ономасовой удалось бѣжать. Она пѣшкомъ, въ нищенскомъ платьѣ, бросилась изъ ненавистной ей усадьбы. Путь лежалъ черезъ болото. Ономасову сопровождалъ крестьянинъ Гаврило, данный ей въ приданое матерью.

Бѣдная женщина на дорогѣ лишилась чувствъ и упала въ обморокъ отъ одного страшнаго предположенія, что свекоръ ее догонитъ. Вѣрный слуга взялъ на руки свою барыню и внесъ ее въ домъ помѣщика Добровскаго, который проживалъ въ ближней деревнѣ. Добровскій, знакомый Ономасовой, пріютилъ ея у себя. Тогда Ономасовъ — мужъ собралъ своихъ крестьянъ, и цѣлымъ полчищемъ двинулся къ усадьбѣ Добровскаго. Сто человекъ на коняхъ съ дрекольемъ и дубинами въ рукахъ, предводительствуемые Ономасовымъ, осадили усадьбу Добровскаго. У послѣдняго не было на лицо и половины «арміи» противника. Возможно-ли было защищаться?

Гарцуя на конѣ передъ домомъ Добровскаго Ономасовъ ругалъ его на чемъ свѣтъ стоитъ... Жена его межъ тѣмъ трепетала, какъ осино-вый листъ и была «въ отчаяніи жизни». Въ теченіе дня Ономасовъ, повидимому, боялся брать приступомъ усадьбу и домъ Добровскаго; но къ вечеру имъ овладѣла смѣлость и кольцо всадниковъ, окружавшихъ усадьбу, становилось все тѣснѣе и тѣснѣе... Вступить въ бой со своими людьми противъ врага Добровскій не смѣлъ, а между тѣмъ на небо нахлынулъ мракъ ночи. Спаслись Ономасовой отъ рукъ разъяреннаго мужа и свекра, повидимому, было невозможно.

Но вотъ среди ночной тишины понеслись звуки: донъ-донъ-донъ... Забилъ въ набатъ крѣпостной человекъ Добровскаго, успѣвшій, по приказанію барина, пробраться сквозь цѣпь ономасовскихъ всадниковъ и поднять тревогу въ ближней къ усадьбѣ деревнѣ. Жители деревни взбудоражились. Тогда Ономасовы отецъ съ сыномъ, скрежеща зубами, ругаясь и бѣснуясь, поспѣшили удалиться отъ осажденной ими усадьбы... за ними послѣдовала вся ватага. Ономасова вздохнула свободнѣе.

На утро Добровскій поскакалъ къ уѣздному городъ къ уѣздному предводителю дворянства и въ земскій судъ съ просьбой о защитѣ. На слѣдствіе выѣхалъ въ усадьбу Добровскаго земскій засѣдатель. Онъ засталъ у Ономасовой священника, который исповѣдывалъ и приобщалъ избитую и измученную женщину. Не успѣвъ засѣдатель войти въ домъ, какъ подѣхалъ верхомъ мужъ Ономасовой и направился вслѣдъ за нимъ. Засѣдатель вошелъ въ комнату больной, Ономасовъ вломился за нимъ туда же. И здѣсь при постороннихъ людяхъ и при священникѣ началъ ругать жестокимъ образомъ свою жену. Ругательства сопровождались жестами, которые угрожали новыми истязаніями Ономасовой. Засѣдатель еле убѣдилъ расходившагося мужа оставить домъ Добровскаго. Ономасовъ удалился, твердя о своемъ законномъ правѣ. Засѣдатель, Добровскій и мать Ономасовой, послѣ того, что случилось, опасаясь горшаго, не сочли возможнымъ оставить измученную женщину безъ охраны и отправили ее въ домъ уѣзднаго предводителя, хотя Ономасовой было въ пору лежать въ постелѣ, а не трястись въ экипажѣ по проселочнымъ дорогамъ.

Вотъ какъ расправился Ономасовъ съ своею женою... Кромѣ того, во время путешествія въ каретѣ изъ Коренной, мужъ отобралъ у жены 1900 р., которые она имѣла при себѣ и разумѣется, и не подумалъ возвратить ихъ.

Уѣздный предводитель дворянства занялся возникшимъ изъ отношенія Ономасова къ женѣ дѣломъ. Но съ чего онъ началъ? Задумалъ устроить примиреніе супруговъ. Разумѣется, примиреніе вещь похвальная, но имѣло ли это смыслъ въ данномъ случаѣ? Предводитель внушалъ Ономасовой то, что «если мужъ ея имѣ-

етъ нравственность, несвойственную его званію, то старалась бы она добродѣтельными поступками своими его исправить, а всегдашнее отъ нея уваженіе, конечно, можетъ подвигнуть мужа къ благонаравію и лучшему образу жизни, что отнесется къ ея чести и спокойствію».

Какой же всему конецъ? Къ сожалѣнію, о концѣ въ архивѣ, откуда мы почерпнули былъ изъ старинныхъ нравовъ, нѣтъ никакихъ свѣдѣній, ни одного лоскутка бумаги, который бы договорилъ намъ о судьбѣ страдалицы Ономасовой.

А. Т.

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

Петербургъ. Лейбъ-хирургъ Гиршъ, бывшій въ моментъ крушенія въ Царскомъ поѣздѣ, сообщаетъ въ «Petersburger Zeitung» слѣдующія подробности о пораненіяхъ, полученныхъ во время катастрофы членами Августѣйшей Семьи:

«У Великой Княжны Ксении Александровны оказался на тыльной сторонѣ лѣвой руки порѣзъ въ три четверти дюйма длиною. У Великой Князя Георгія Александровича я нашелъ двѣ раны на мизинцѣ лѣвой руки. У Государя Императора была сильная контузія мышцы праваго бедра, а у Государыни Императрицы, кромѣ двухъ незначительныхъ, но сильно кровоточивыхъ ранъ на правой рукѣ и нѣсколькихъ контузій на тѣлѣ, оказалась очень сильная контузія лѣвой руки. Эта рука сильно распухла и вслѣдствіе распространенныхъ кровоподтековъ сдѣлалась совсѣмъ темносиняго цвѣта. На ладони имѣлась поверхностная ранка со сближенными краями, слегка кровоточившаяся. Ея Величество Государыня Императрица была, такимъ образомъ, послѣдняя изъ пострадавшихъ, которой мнѣ пришлось сдѣлать перевязку лишь по истеченіи нѣсколькихъ часовъ послѣ катастрофы. Въ настоящее время всѣ Члены Императорской Фамиліи находятся въ полномъ выздоровленіи».

(Пет. Газ.).

Петербургъ. Изъ Ворокъ сообщаютъ, что дальнѣйшая экспертиза переведена въ Харьковъ, куда перѣехали Кони, слѣдственная власть, прибывшіе изъ Петербурга эксперты и доставлены съ мѣста крушенія Императорскіе вагоны и паровозы; послѣдніе для разслѣдованія будутъ разобраны и изучены по отдѣльнымъ частямъ.

Херсонъ. Херсонское земское сельско-хозяйственное училище въ началѣ мая нынѣшняго года получило отъ министерства государственныхъ имуществъ *стмена хлопка* и въ маѣ же засѣяло ихъ на хорошо разрыхленной почвѣ; въ настоящее время коробочки на половину уже растрескались и дали прекрасный хлопокъ. Дальнѣйшіе опыты посѣвовъ быть можетъ покажутъ, что и этотъ весьма доходный продуктъ можетъ быть съ успѣхомъ разводимъ въ предѣлахъ Херсонской губ.

(Елис. В.).

ИНОСТРАННЫЯ ВѢСТИ.

Первая желѣзная дорога въ Палестинѣ. Постройка первой въ Палестинѣ желѣзной дороги, соединяющей Яффу съ Іерусалимомъ, оканчивается, и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ святой городъ будетъ связанъ съ морскимъ берегомъ рельсовымъ путемъ, длиною въ 24 километра. Портовый городъ Яффа, исходный пунктъ этой дороги, совершенно измѣнилъ свой видъ въ послѣднее десятилѣтіе. Старинныя стѣны крѣпости снесены и на мѣсто ихъ появились посройки въ чисто европейскомъ вкусѣ — высокіе каменные дома съ магазинами. Предмѣстья расширены. Палестина вообще быстро мѣняетъ свой прежній видъ. Такъ, на прим., мѣстечко Виліемъ, которое не да-